

Вернемся к Ци Юаню.

С того момента, как его столкнули с лестницы, и до того, как его осмотрел семейный врач, он не смыкал глаз.

Это была привычка, выработанная в тюрьме.

С первого же дня заключения сокамерники прозвали его Розой, и уже в первую ночь один из них попытался до него домогаться.

Ци Юань тогда переломал им всем по две-три кости, так что в первый же день в тюрьме он оказался в лазарете.

Он полагал, что если будет выглядеть как живое месиво, никто больше не посмеет к нему прикоснуться, но не тут-то было: один заключенный специально симулировал болезнь, чтобы пробраться в медпункт и продолжить грязные домогательства.

Сердца некоторых людей до ужаса омерзительны.

Видя, что ты избит и изранен, они не испытывают жалости — лишь удовольствие, и им хочется нанести еще больше увечий.

Тот заключенный был именно таким.

Увидев израненного Ци Юаня, он решил, что легко добьется своего, но не ожидал, что Ци Юань будет сражаться так, словно ему нечего терять: даже ценой собственной смерти он был готов покалечить обидчика.

Тогда, к счастью, врач вернулся вовремя, иначе Ци Юань мог бы погибнуть в тот день.

После того случая, если Ци Юань получал травмы в тюрьме, он заставлял себя не спать, чтобы никто не воспользовался его беспомощностью.

Тюремный врач был порядочным человеком. Видя стойкость Ци Юаня, он после процедур либо просил надзирателей отправить парня в карцер, чтобы тот побыл в безопасности, либо уступал ему свою койку для отдыха.

Если бы Ци Юаня спросили, кому в этом мире он благодарен больше всего, это был бы тот самый врач.

Однако воспоминания о том заключенном оставили слишком глубокий след, и у него

выработалась привычка: если он ранен, то будет бодрствовать до последнего.

Так он и лежал на кровати, с полудня до тех пор, пока за окном окончательно не стемнело.

Как только сгустились сумерки, вошла горничная и включила свет.

Залитая светом комната, она с любопытством взглянула на Ци Юаня, но, встретившись с его взглядом, испуганно вздрогнула, а затем почтительно спросила:

— Господин Ци Юань, вы будете ужинать?

— Да.

— Сейчас принесу.

Горничная вышла.

На ужин был простой картофель с мясом, тушенный до такой мягкости, что таял во рту.

Из-за боли в теле аппетита почти не было, и Ци Юань осилил лишь полмиски.

Возможно, из-за сытости или из-за невыносимой боли он невольно прикрыл глаза, чтобы передохнуть, но не прошло и минуты, как он услышал приближающиеся шаги и тут же широко распахнул глаза.

— Если хочешь спать — спи. Или ждешь, пока я вернусь, чтобы лечь?

Голос Ноа звучал приятно: низкий, с ленцой, словно выдержанное красное вино, от которого невольно кружится голова.

— Почему молчишь? При падении прикусил язык?

Ноа уже сидел на краю кровати, сжимая пальцами подбородок Ци Юаня, словно намереваясь проверить, в порядке ли его язык.

Ци Юань слегка нахмурился, подумав: почему этот тип так фамильярен? Он что, привык постоянно касаться других?

— Меня толкнули, — сухо произнес Ци Юань.

С момента травмы он не проронил ни слова, а из-за слабости голос звучал непривычно мягко и даже обиженно, словно он капризничал.

Движения Ноа замерли, в глубине его глаз промелькнуло удивление:

— Кто столкнул?

— Лица не видел, но заметил край одежды. Похоже, слуга, мужчина.

В семье Дэвис униформа мужчин и женщин отличалась, поэтому даже по подолу было несложно догадаться. К тому же охранники носили приталенные костюмы, полы которых не развевались при беге, в отличие от длинных фалд фраков слуг.

Ноа не ожидал, что Ци Юань, испытывая такую боль, сумел заметить, кто его толкнул. Он кивнул:

— Понял.

Затем, глядя в пронзительно ясные глаза Ци Юаня, он усмехнулся:

— Всё еще не спишь? Не хочешь отдохнуть?

— Не хочу.

— Спи. Здесь не тюрьма, никто не причинит тебе вреда, пока ты спишь.

Эти слова заставили сердце Ци Юаня дрогнуть. Он удивленно посмотрел на Ноа, его чистые глаза казались говорящими. Ноа, чувствуя на себе этот прямой взгляд, испытал неожиданное удовлетворение.

Конечно, он понял, о чем именно хотел спросить Ци Юань, и опередил его:

— Почему при первой же встрече ты признался, что сидел в тюрьме? Калис, отправляя тебя ко мне, наверняка предупреждал, чтобы ты молчал об этом.

Видя, что Ци Юань упорствует, Ноа решил завязать непринужденную беседу.

— Я умный, — внезапно похвалил себя Ци Юань, и в его голосе проскользнула нотка гордости.

Ноа не ожидал такого ответа, уголки его губ приподнялись:

— И в чем же твоя мудрость? Рассказывай.

— Семья Дэвис — одна из старейших на Северном континенте. Если они процветают так долго, значит, их кровь не глупа. Калис — лишь выскочка, мелкий мафиозный босс, который возомнил, что мир крутится вокруг его желаний. Он даже тебя пытался обмануть. С такими людьми, как вы, честность — лучший способ расположить к себе.

Ноа приподнял бровь:

— Значит, твоя честность — это попытка мне понравиться... Ты влюбился в меня?

Ци Юань промолчал и отвернулся.

Безмолвный протест рассмешил Ноа:

— Сам сказал, а теперь стесняешься?

— Я сказал, что я умен и знаю, как правильно вести дела с такими, как вы. Это не значит, что я пытаюсь тебе понравиться.

— Я человек высокого полета. Если понравишься мне, будешь жить в роскоши и спать в теплых постелях, — соблазнял его Ноа.

Ци Юань посмотрел на него:

— Мне нужно участвовать в боксерских поединках?

Ноа нахмурился:

— Ты такой красивый, почему у тебя на уме только драки? Неужели не можешь придумать что-то другое?

Ци Юань задумался, что-то прикидывая в уме. Наконец, он украдкой взглянул на Ноа и набрался смелости:

— Готовить для тебя? Я отлично делаю блюда Восточного континента.

— Об этом я слышал. В тюрьме было немало твоих фанатов.

— Ты навел обо мне справки, — пробормотал Ци Юань.

Он снова посмотрел на Ноа. В его темно-синих глазах играла хитринка, он напоминал старого лиса, дразнящего невинного кролика. И если бы кролик проявил хоть каплю испуга, лис был бы в восторге.

Однако в его расчетах не было той грязи и жестокости, что у тюремных надзирателей.

Сидящий сейчас на кровати Ноа сильно отличался от того, кого он видел на банкете. Ци Юань почувствовал, что сейчас может сказать что угодно, и собеседник не разозлится.

— В дом Дэвисов не попадают люди, о которых мы не знаем всё. Кстати, ты ведь и сам хотел, чтобы я досконально изучил твое тюремное прошлое? Ведь только так я пойму, какие темы для тебя под запретом, — сказал Ноа.

Ци Юань слегка кивнул:

— Ты будешь уважать это?

— Господин Ноа из семьи Дэвис куда более галантен, чем ты думаешь. Спи, прекрасный господин Роза. Я обещал, что никто не тронет тебя во сне, и я сдержу слово.

Услышав это, Ци Юань почувствовал, как внутри что-то шевельнулось. Он поднял глаза, всё еще сомневаясь: почему этот человек так добр к нему?

Ноа добавил:

— Как поправишься, приготовишь мне что-нибудь из восточной кухни. Я еще не пробовал настоящих деликатесов.

— Хорошо, — ответил Ци Юань.

Под пристальным взглядом Ноа он наконец не выдержал навалившейся усталости и провалился в глубокий сон.

Ноа, увидев, что парень уснул, усмехнулся:

— Поверил? Похоже, я тебе не так уж и неприятен.

<http://bllate.org/book/21504/2204081>